
С.И. Посохов

Статья поступила
в редакцию
в августе 2008 г.

АКТОВЫЕ РЕЧИ ПРОФЕССОРОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ТРАНСФЕР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИДЕИ*

Аннотация

В статье анализируются речи профессоров-иностранцев Харьковского университета, которые они произносили в ходе проведения торжественных актов в начале XIX в. Эти выступления стали не только формой общения университетского сообщества с местной средой, но и способом трансфера университетской идеи. Традиционно в литературе появление модернизированных университетов связывают с Вильгельмом фон Гумбольдтом и Берлинским университетом. Однако сегодня все более утверждается мысль о том, что новые черты в устройстве университетов Европы проявились раньше (имеется в виду ряд немецких университетов XVIII в.). Привлеченные на российскую службу иностранные профессора, прежде всего немецкие, не только вели преподавательскую и научную деятельность, но и привносили в российское общество свое понимание сущности университета. Актовые речи отдельных харьковских профессоров, в частности Л. Якоба, являют собой яркий образец неогуманистического подхода к определению основных черт университета нового времени.

Первые страницы истории Харьковского университета привлекали и продолжают привлекать исследователей. Какие причины обусловили его возникновение, кто может считаться его основателем, каковы были предпосылки для создания университета — эти и многие другие вопросы остаются дискуссионными. Не менее интересен начальный этап деятельности Харьковского университета: кто и как упорядочил учебный процесс, что представляла собой университетская корпорация, как воспринимало университет местное общество и т.д.

* Исследование выполнено в рамках научного проекта «Трансфер и адаптация университетской идеи в России», поддержанного Германским историческим институтом в Москве.

Как известно, в начале существования Харьковского университета основу его профессуры составили приглашенные иностранцы. Всего за период 1803–1814 гг. было 47 преподавателей, в том числе 29 иностранцев: 18 немцев, 4 француза, 7 славян [4. С. 456–457].

Уже само появление иностранцев в городе повлияло на многие стороны жизни харьковского общества. Одежда, манеры, повседневная практика профессоров-иностранцев — все это не оставалось незамеченным местным населением. Безусловно, первой реакцией на их появление были насмешки и недоумение, в последующем наблюдается стремление воспользоваться новациями, а то и просто скопировать их.

Важной формой общения этой профессуры и местного общества стали так называемые актные речи, которые читались профессорами университета в торжественные для университета дни. Торжества проходили 17 января в связи годовщиной открытия университета и 30 августа — в день тезоименитства Александра I, считавшегося основателем университета. Празднование начиналось благодарственным молебствием, при коем присутствовали все члены университета [14. С. 35]. Затем, как правило, в пять или шесть часов пополудни проводилось торжественное ученое собрание в зале университета, где «в присутствии губернских чинов, дворянства обоего пола», «почетнейшего духовенства и купечества» и «случившихся в Харькове приезжих особ обоего пола» [11. С. 213; 12. С. 162–164; 14. С. 35], университетские профессора произносили свои речи. Приглашались на эту встречу особыми билетами [13; 14. С. 35]. Традиционно такие собрания сопровождались исполнением симфоний и ораторий (особой популярностью в Харьковском университете начала XIX в. пользовался Гайдн), а университетские здания украшались иллюминацией. На этих мероприятиях зачитывались имена студентов, показавших отличные успехи в науках, магистрам и кандидатам деканы «с установленною для сего церемониею» [14. С. 36] вручали дипломы, а новоявленным студентам — матрикулы и шпаги, оглашались имена почетных членов университета.

Речи публиковались (в начале XIX в. тираж составлял 330–450 экземпляров [4. С. 410]) и тем самым становились доступными для образованной части общества. Частично они распространялись по подписке, частично рассылались даром (например, почетным членам университета [Там же. С. 661]). Попадали эти речи и к студентам: известно, что среди книг погибшего студента Ваценкова были и актные речи [Там же. С. 879]. Сразу заметим, что профессора-иностранцы произносили речи на латыни, на немецком или французском языках*, но публиковались они часто не только в оригинале, но и в переводе на русский язык. За первую четверть XIX в. в типографии университета было опубликовано более трид-

* Благодарю переводчиков с немецкого — Ирину Хоменко, с латыни — Анастасию Игнатенко.

цати сборников, имевших название «Речи, говоренные [произнесенные¹] в торжественном собрании императорского Харьковского университета» (вообще такие издания выходили вплоть до 1864 г.). Учитывая, что в одном сборнике публиковалось несколько речей, общее количество таких произведений выглядит весьма внушительным. Только за первое десятилетие после основания университета было произнесено 40 речей [4. С. 619].

Поскольку профессора-иностранцы в первое десятилетие существования университета составляли почти 60% его преподавателей², их речей за этот период много — 18. Безусловное лидерство принадлежит немецким профессорам. Среди авторов встречаем таких видных ученых, как Л. Якоб, Х. Роммель, И. Шад. К слову, для некоторых иностранцев эти речи стали единственными трудами в харьковский период. Вполне возможно, что сами профессора относились к такого рода творчеству достаточно серьезно. Как писал в своем рапорте в 1815 г. харьковский профессор Швейкардт, «что для тела кровь, для торговли — деньги, то для науки общение идей» [Там же. С. 913].

Оценивая роль такой литературы, Д.И. Багaley отмечал: «Все эти речи печатались от имени и на счет университета в особых сборниках и отдельными оттисками; и сами авторы, и местное общество, для которого они главным образом предназначались, придавали им важное значение. Ораторская форма была в большом ходу; публика привыкла к ней, ценила ее; сочинители же таким образом удобнее всего могли беседовать с обществом, проводить свои идеи, оказывать известное влияние на окружающую среду, которая, в свою очередь, внимательно слушала, что скажут ей представители высшей науки, деятели того учебного заведения, которое призвано было сделаться рассадником просвещения во всем полуденном крае России» [Там же. С. 619–620]. К сожалению, после Д.И. Багалея эти речи не были предметом изучения. Вместе с тем при внимательном анализе они могут дать ценную информацию.

Прежде всего обращает на себя внимание форма этих произведений. Построенные как обращения к слушателю (часто встречаются такие обороты, как «замечательные слушатели из всех словий» [23. С. 15], «благородные российские юноши» [9. С. 100], «юноши, желающие познать науки», «господа, или лучше так — родители (ибо к вам я особливо простираю свою речь в сию минуту» [6. С. 58]), выдержанные в назидательном тоне, они напоминают проповеди. Собственно, тем самым в сознании людей утверждалась возможность рационального познания истины. Как писал И. Шад, «искание истины и добродетели не только не превыше сил наших, но еще сама природа влиянным в нас чувством истины и честного беспрестанно нас к тому поощряет» [17. С. 37], «в сем расположении следовать внушениям разума состоит все достоин-

¹ Это слово в названии стало использоваться после 1809 г.

² В следующее десятилетие их доля составила 23%.

ство человека» [17. С. 41]. Более того, по его мнению, «искание истины и добродетели никакими не ограждено пределами» [Там же. С. 46]. Такие рассуждения светских лиц «с высокой трибуны» о человеке и его предназначении, очевидно, в местной среде поначалу воспринимались как откровение. При этом «размышления» трактовались как «спутник радости», как «удовольствие» [23. С. 15–16].

Важно отметить, что в своих рассуждениях профессора не только выступали с обоснованием человеческого стремления к истине, но и отдавали дань «чувственному», «телесному». И. Шад заявлял: «Я не отрицаю, что главная часть благополучия человеческого состоит в сознании прямодушного и неутомимого стремления к истине и добродетели. Но не могу согласиться, чтобы все его счастье в том единственно состояло. Поелику не можно вообразить себе человека, не вообразив с тем чувственного тела; то посему неоспоримо, что для его счастья кроме сознания истины и добродетели потребно еще такое состояние, в котором бы он удобным образом мог удовлетворять естественным склонностям, имеющим свой источник в свойствах чувственного тела»; «Ибо противно природе человека желать и искать только того, что надлежит до души, не имея ни малой связи с тем, что необходимо для чувственного тела» [17. С. 42, 43].

Кроме того, слушатели (читатели) настраивались на то, что их мнение небезынтересно университетским ученым. Как отмечал Леопольд Умляуф, «ведь, как всегда считали, молва и слава, хорошая оценка современников и потомков являются не только мощнейшим стимулом к немалым трудам, которые необходимо брать на себя в изучении наук, но и значительной и прекраснейшей частью награды преподавателей» [23. С. 17]. К слову, со временем публика не только привыкла к речам, но и реагировала на них тем или иным способом. Так, Рейт в послесловии к одной из речей отметил, что после своего выступления получил «в качестве дружественного послания» некоторые книги [22. С. 63].

К тому же, как писал Д.И. Багaley, «профессора того времени, особенно первого десятилетия, умели выбирать живые, интересные темы, могшие иметь образовательное значение» [5. С. 77]. Действительно, такие проблемы, как влияние пищи на здоровье человека (на эту тему говорил Дрейсинг) или «что такое деньги?» (с этой речью выступал Ланг), «сельское хозяйство и связанные с ним ремесла как основа богатства государства» (Нельдехен)¹ или «о вероятной излечимости почти всех болезней» (Ванноти), не могли не вызвать любопытства у местной публики. Известен случай, когда после прочтения речи профессора А. Стойковича «О причинах, делающих воздух неспособным для дыхания, и о средствах, предохраняющих его от совершенной порчи» губернатор И.И. Бах-

¹ В этой речи Карл фон Нельдехен обращал внимание на позитивный опыт Европы, в частности он отмечал, что «английскую нацию следует признать нашей наставницей» [21. С. 6].

тин заинтересовался практическим решением проблемы применительно к Харькову [4. С. 632]. Но, по всей видимости, не менее интересными были для общества и выступления «на отвлеченные темы». Впрочем, насколько вопрос о счастье [17], поставленный И. Шадом, можно считать отвлеченным?

Вообще, как отмечал Д.И. Багaley, общим объединяющим началом речей служила философия, пользовавшаяся тогда огромным уважением среди большинства профессоров [4. С. 627]. Ремарки о философии — частое явление в выступлениях иностранных профессоров: «Философия, без сомнения, среди всех [наук] занимает первое место» [23. С. 21]; «Философия есть наука, сущностью и свойством своим имеющая величайшее втечение не только во все прочие науки, но и во нравы человеческие» [17. С. 34]; «Философия как путеводительница жизни человеческой», «О, философия! Светильник ума человеческого» [15. С. 48, 54]. Подчас философия соединялась с, казалось бы, весьма отдаленными от нее проблемами. Так, в 1807 г. профессор Коритари выступил с речью «О связи философских занятий с медицинскими».

О роли философии в первый период существования Харьковского университета красноречиво высказался М.И. Сухомлинов: «В преподавании многих наук господствовало философское направление. Оно принесено было в наши аудитории из университетов протестантской Германии, в которой выработалось самой жизнью, историческим развитием наук и духовными особенностями нации. Занесенная в чужой мир, говорившая чужим языком, философия скоро обжилась в своем новом приюте; ее полюбило русское молодое поколение; ее таинственный язык нашел сочувственный отзыв в восприимчивых умах, в которых первые университетские лекции успели заронить искру знания и любви к науке» [8. С. 145]. Заметим, что сама постановка «философских» вопросов будила мысль, заставляла искать параллели в реальной жизни. Приведем для примера цитаты из речи И. Ланга: «Естественное право, или философическое правоведение, занимается решением следующей задачи: каким образом внешняя свобода всех и каждого лица ограничена должна быть, чтобы все и каждый могли быть свободны»; «Государственного хозяйства главное основание есть каждый член гражданского общества» [9. С. 88, 92].

Особое внимание хотелось бы обратить на те речи, в которых, по нашему мнению, нашли отражение новые для местной (и не только местной) среды взгляды на роль и место в обществе образования и науки. По сути, по этим вопросам так или иначе высказывался каждый из выступавших. Центральное положение этой темы не случайно, оно вытекает из мировоззренческих позиций авторов. Заметим, что в отдельных случаях мы имеем дело с трансляцией университетской идеи.

Среди первых выступлений, которые непосредственно посвящены проблемам образования, — выступления профессоров Бельена-де-Баллю «Речь о том: общественное или домашнее воспи-

тание преимущественное» и Якоба «О влиянии университетов на образование и благосостояние народа». Белен-де-Баллю достаточно убедительно доказывал, что «в общественных для воспитания заведениях, в гимназиях и университетах учение представляется во всей своей обширности, или, лучше сказать, почти во всем своем величии» [6. С. 57]. Отсутствие духа соревнования, скудость пособий и, наконец, сам уровень педагогов и условия их деятельности при домашнем обучении, по мнению автора, определяют недостатки последнего. К слову, Яков Белен-де-Баллю первым из университетской профессуры в данной работе уделил внимание роли физического воспитания: «Я также почитаю существенною частию воспитания не только искусства гимнастические, как то танцевание, фехтование и верховую езду, но также игры и ежедневные забавы, коим предается юношество в те минуты, когда оно, освободившись от тягостного ига, предается стремительному своему веселию, живости своего возраста и нрава» [Там же. С. 64]. Он также поставил проблему социального воспитания, обосновав мысль о том, что обучение в коллективе строится на иных основах. Работа заканчивается своего рода призывом к родителям: «Вверьте их [детей] воспитанию общественному, где под руководством строгих и бдительных учителей они посвящают себя истинному учению, украсят свой ум, утвердят свое сердце, привыкши исполнять правила нравственности» [Там же. С. 74]. По мнению Д.И. Багалея, это выступление должно было утвердить важное просветительское значение правительственных учебных заведений в крае, в том числе университета [4. С. 620].

С речью Белена-де-Баллю перекликается и указанная работа профессора Людвига Якоба, который также обосновывает значение общественного образования. Это произведение значительно глубже и интереснее. Оно по праву может быть поставлено в один ряд с трудами Вильгельма фон Гумбольдта, обосновавшего модернизацию современных ему немецких университетов. Именно поэтому охарактеризуем эту речь Якоба более подробно.

Прежде всего он подвергает критике тех философов (очевидно, Руссо), которые «непорочность нравов приписывали диким народам». По его мнению, «выгоды жизни, частное богатство каждого гражданина умножаются в народе соразмерно степени его познаний и пределам его образования. Только там, где процветают искусства и науки, мы обретаем повсеместное благосостояние и счастье» [19. С. 68]. При этом автор различает старую и новую ученость: «В Средних веках одни духовные были ученые... жалкое состояние тогдашней учености было» [Там же. С. 73–74].

Один из важнейших тезисов, который повторяется в произведении несколько раз, — что пути к наукам должны быть «отверсты для всех сословий»: «Никакое мнение не может более противоборствовать возвышению народного благоденствия, как суждение некоторых мрачных умов, что просвещение не целому народу, но только некоторым званиям прилично» [Там же. С. 69].

Условием развития науки и искусства Якоб видит «царствование свободы рассуждений и исследований» [19. С. 69], а также «когда все препоны, сообщение понятий с целым просвещенным светом прерывающие, удалены будут» [Там же. С. 70].

Профессор Якоб фиксирует взаимосвязь между специализацией и университетским принципом единства наук. С одной стороны, он пишет, что «все искусства и науки тогда только достигают высшей степени совершенства, когда будут разделены, и когда каждое искусство, каждое познание в особенности сделается исключительным предметом занятия одного какого класса людей». С другой стороны, он замечает, что «хотя разделение труда и усовершеншает произведения, однако отдельно трудящиеся и желающие произвести изящное целое не должны быть чрезмерно удалены друг от друга». Соответственно он характеризует университеты как «некие мануфактуры учености и наук», где «ученые мужи всякого рода собираются в одно место, и каждому порознь поручается обработка особенной науки. Все орудия и пособия собраны в больших книгохранилищах и искусственных и естественных кабинетах, дабы все любители наук могли пользоваться каждый тем, что для него нужно» [Там же. С. 75]. Из наук он особенно выделяет математику, физику и химию, связывая с ними «многочисленные выгоды» [Там же. С. 72].

Развитие просвещения Якоб связывает с усилиями правительства, а не с «самопроизвольным расположением граждан». По сути, в своей речи он ведет дискуссию с теми, кто считает, что «при совершенной свободе» науки имеют «лучший успех». По его мнению, «сии доказательства против общественных учебных заведений суть только кажущиеся. Одного краткого размышления довольно, чтоб видеть их несостоятельность» [Там же. С. 76–77]. Для государства же польза, по его мнению, уже в том, что оно получает в свое распоряжение подготовленных чиновников: «Доколе законодательство, правоведение, государственное хозяйство, управление благочиния и доходов не будут предварительно в порядке и правилах науки изучены теми, которые посвящают себя государственной службе, до тех пор многие выгоды, сими познаниями приносимые, останутся неизвестны»; «В канцеляриях производятся одни только раболопные подражатели, но никогда не выходят из них сведущие государственные чиновники» [Там же. С. 71–72].

Университеты Англии, Германии, Франции и Италии, по словам Якоба, демонстрируют успехи просвещения и связанные с ним «выгоды». В этом же он видит и смысл создания университетов в России, откуда выйдут «искусные наставники, кои распространят честность нравов и полезные знания», «образованные молодые люди, обогащены будучи математическими, физическими и химическими познаниями, исправят сельское хозяйство в своих владениях, усовершеншат художества и рукоделия и чрез то откроют обильные источники к народному обогащению». Он говорит также о пользе для «фабрикантов и художников», о влиянии университетов

на уровень судей, государственных чиновников и военных, когда «все полезное будет употреблено и обращено в выгоду отечеству» [19. С. 82–84].

Безусловно, среди речей, как уже было отмечено, работа Якоба — наиболее яркое и интересное произведение. Вместе с тем ряд положений, которые отстаивал профессор Якоб, высказывали и другие профессора-иностранцы Харьковского университета.

Так, Леопольд Умляуф обосновывал тезис о том, что научное познание бесконечно: «Ведь сколько от изначального невежества рода человеческого и до нашего времени открытий передалось знаний, которые необходимо считать великими, столько же, а может, еще и больше, до сих пор, я полагаю, осталось для изобретательности и усердия людей» [23. С. 18–19]. Не менее важным представляется его утверждение о том, что на пути к истине возможны и ошибки: «Даже самому образованному не чуждо запутываться в ошибках и, без вины обманывая самого себя, ненамеренно обманывать других» [Там же. С. 20].

Христофор Роммель, так же как и Людвиг Якоб, отмечал особую роль прежде всего физики, математики и химии, а затем и географии, этнографии, статистики, истории и филологии. Любопытно, что он сознательно «опустил прочие науки» практической направленности — правоведение, «познания касательно пользования и лечения тела человеческого» [15. С. 54–56]. Роммель также выступает с критикой тех, кто считает добродетель чертой «грубых и необразованных народов» [Там же. С. 50].

А. Дегуров отрицательно высказался о схоластической философии: «Предметы, коими она занималась, были по большей части пусты и нелепы»; «Царствование которой было слишком продолжительно» и «наложило узы на способность мыслить» [7. С. 41–42]. Он также выступил сторонником открытости образования: «Вход в Храм просвещения равно открыт для всех, и каждый сообразно состоянию, в котором судьба произвела его на свет, призывается в мирную обитель сию усовершенствовать дарования свои для пользы общественной» [Там же. С. 51].

Иосиф Ланг специальное внимание уделил вопросу о важности университетской подготовки чиновников [9. С. 85, 96–97].

Иностранные профессора видели единственную возможность развить просвещение в России в том, чтобы воспользоваться опытом Европы и привлечь «мужей, ученостию и полезными знаниями знаменитых» [15. С. 48, 50; 7]. Вообще Европа во всем виделась примером. И. Шад писал так: «Европа есть та часть света, в которой превосходство рода человеческого, науки и художества, образование и усовершенствование, в которой нравственность и правосудие, образ правления, святость и чистота веры, благородная свобода, добродетель, всех родов красота и изящество утвердили престол свой, и которая кажется Высочайшим Провидением для того предназначена, чтобы, подобно солнцу, разливала благодетельный свет на все прочие народы и части света, управляла ими и

дружески руководствовала бы их к возвышению из невежества к просвещению, из рабства к гражданству, из грубости к образованию — словом, из жребия бессловесных животных к умственному и нравственному достоинству. Посему от благосостояния главных народов Европы благосостояние всего рода человеческого зависит» [18. С. 3–4]. Одновременно высказывались и мысли относительно роли университетов в деле развития «национального духа русского народа», но при этом подчеркивалась роль европейской основы. Так, Рейт считал «важным заданием для университетов Российской империи содействие построению системы национальной литературы путем гармоничного соединения таких элементов, как классическая литература греков и римлян, с изучением языков и литератур Европы» [22. С. 63].

Схожесть, если не единство, во взглядах иностранных профессоров — авторов речей объясняется общими неогуманистическими основами их мировоззрения. Что особенно важно в данном случае, они имели и схожие взгляды на функции и задачи университетов. Как доказано современными исследователями, рождение немецкого классического университета состоялось не только потому, что Гумбольдт смог сформулировать его задачи и особенности, — его черты вызревали еще в XVIII в. в таких немецких университетах, как Йенский, Геттингенский, Университет Галле, где уже были озвучены многие новые принципиально важные идеи [2. С. 38]. Германия второй половины XVIII в. стала местом зарождения университетов модернизированного типа [3. С. 46–47; 20]. Анализ биографий иностранных профессоров Харьковского университета — авторов речей показывает, что большей частью они были связаны именно с этими университетами. Шад, Дрейсинг, Гут, Роммель, Рейт, Швейкарт, Якоб были воспитанниками или преподавателями данных университетов, а последний из названных был даже ректором университета в Галле. И это было не случайно, Галльский, Йенский, Геттингенский университеты уже современниками воспринимались как новые, усовершенствованные. С.О. Потоцкий — первый попечитель Харьковского учебного округа, немало потрудившийся в деле привлечения иностранных профессоров в Харьков, — в речи на открытии университета особо выделил значение для России устройства университетов «наподобие Геттингенского, Йенского и других» [10. С. 451]. При обсуждении в 1809 г. на заседании совета Харьковского университета вопроса о заполнении вакантных кафедр решено было напечатать объявление об этих вакансиях в «Ученых ведомостях» Йены и Галле [4. С. 274].

Но вернемся к речам. Было бы неверно считать, что мнение иностранных профессоров было безоговорочно принято, оно лишь прозвучало и, безусловно, было замечено. Речи профессоров-иностранцев фиксируют неявную дискуссию. Противостоящей стороной выступили российские профессора. Не вступая в прямую полемику, они выдвигали и отстаивали несколько иные идеи.

Так, профессор Илья Тимковский среди прочего писал: «Правительство **не попускает образованию разума и сердца быть вовсе случайным и произвольным**. Оно предлагает для наставления юношества общественные заведения, где основательные познания к цели Государственной расположены, где наставники избранные и **отчетом обязанные**, где **порядок, способ и степень занятий испытанные и одобренные**» [16. С. 6] (выделено мной. — П.С.); «Сверх сего, знания непосредственно должны быть употреблены для цели Государственной» [Там же. С. 8]. Тимковский не испытывал особого пиетета к Европе: «Горестное сожаление пронзало дух наш, когда мы видели в некоторых Европейских державах великие дарования, соединенные с благоразумием и честностию, брошенными и праздными, когда многие изящные умы, оставаясь там без внимания к ним, предавались свободе унылой или буйственной, либо должны были умножать собою только число бесплодных писателей» [Там же. С. 9]. Иного мнения автор о России: «Колико блаженна тем Россия, что в ней издревле как бы основательным законом поставляется призывать знания и способности граждан в общую сложность деяний государственных» [Там же. С. 10]. Последствия заимствований чужих порядков и установлений Тимковский не рассматривал с безоговорочным оптимизмом. Безусловно, речь идет об общем процессе, но параллели очевидны: «Мы злословим и укоряем какой-либо народ за то, что не так часто, легко и скоро переменяется, как мы созидаем ему планы и сообщаем проекты. Но чем менее преклонен он к приятию новостей, и привык более продолжать свое течение путем опытности, примеров и собственной осмотрительности, примечая между тем все, что к его сведениям относится, тем тверже нравственные его основания, тем прочнее бытие его, тем правильнее его успехи»; «Не все то, чем хвалится какой-либо народ, как бы оно ни казалось истинно, как бы ни нравилось, можем мы вводить с пользою в другом государстве» [Там же. С. 18, 19].

Дух космополитизма, которым наполнены речи профессоров-иностранцев, контрастирует с призывами патристического свойства, которые звучат в речах российских профессоров. Яркий пример — речь профессора Г.П. Успенского о том, «что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств». Возможно, именно такие «неявные» дискуссии «на местном уровне» постепенно формировали представление о необходимости своего, национального университета.

Таким образом, иностранные, прежде всего немецкие, профессора в период пребывания в Харьковском университете не только обучали студентов, но и передавали весь свой опыт, через них происходило приобщение к европейским ценностям, в том числе к университетским традициям. Как отмечают некоторые современные исследователи «процесс диффузии был длительным по времени, но плодотворным по качеству» [1. С. 293].

Литература

1. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007.
2. Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Отечественная история. 2004.
3. Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета, 1755–1855. М., 2001.
4. Багaley Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1 (1802–1815 гг.) // Багaley Д.І. Вибрані твори: у 6 т. Харьков, 2004. Т. 3.
5. Багaley Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906.
6. Де Баллю. Речь о том: общественное или домашнее воспитание преимущественнее // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1807.
7. Дегуров А. О возрождении наук, и перевесе, которой они дали Европе пред прочими частям света // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1808.
8. К истории Харьковского университета (Извлечения из книги акад. М.И. Сухомлинова «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению») // Харьковский сборник. Лит.-науч. приложение к «Харьковскому календарю» на 1889 г. Харьков, 1889. Вып. 3.
9. Ланг И. Об изучении юридических и политических наук // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1810.
10. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1806. № 16.
11. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1809. № 22.
12. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1810. № 25.
13. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1811. № 31.
14. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1812. № 33.
15. Роммель Х. О преимуществе и силе истинного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1811.
16. Тимковский И. О применении знаний к состоянию и цели Государства // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1803.
17. Шад И. О верховной цели человека // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1807.
18. Шад И. О возвращении Европе свободы // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1814.
19. Якоб Л. О влиянии университетов на образование и благосостояние народа // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1808.

20. Андреев А.Ю. «Національна модель» університетської освіти: проблеми виникнення та розвитку в Західній Європі та Російській імперії // Схід-Захід: Іст.-культурол. зб. Харків, 2005. Вип. 7.

21. Noeldechen Carl von Landwirthschaft und die mit ihr zusammenhangenden Gewerbe, sind die Grundlagen des Staatsreichthums // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1815.

22. Reith Geist der literarischen culture des Orients und Occidens // Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1812.

23. Umlauf L. De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета. Харьков, 1806.